

Хуайянский ресторан тоже занимался доставкой еды на вынос. Заказанные блюда доставили в трёхъярусной коробке, и когда её открыли, еда была ещё обжигающе горячей — работали быстро. Вэньмэйчжай был лучшим среди хуайянских ресторанов, их блюда отличались отборными ингредиентами и изысканным исполнением. Жареные львиные головы подавали в двух маленьких чашечках из листьев лотоса, есть их нужно было маленькой ложкой. Они были мягкими, как тофу, но с добавлением кусочков водяного каштана и креветок, нежными, но упругими. Даже Сяо Юй, не любивший сладкое, не мог сказать, что это блюдо невкусное. Для тушёной редьки с гребешками использовали редьку, выращенную на песчаной почве в Цзиньхэкоу — крупную и сочную. Эту редьку нарезали на маленькие кубики, аккуратно укладывали в широкогорлый глиняный горшок, на дно клали слой крупных сушёных креветок, сверху — слой вымоченных отборных гребешков, перед тем как поставить на паровую баню, горшок до краёв заливали хуадяоцзю, плотно закрывали и сначала быстро готовили на сильном огне, а затем томили на слабом ещё четверть часа, чтобы всё как следует пропиталось.

Сяо Юй большую часть времени пил вино, лишь изредка беря кусочек еды палочками. Поначалу он с большим энтузиазмом подкладывал еду в тарелку своему визави, но тот сказал: «Я сам», — и он остыл. Сидел теперь с холодным, недобрим лицом, больше похожий на пришедшего требовать долг, чем на человека, пришедшего пообедать. Каждый ел сам по себе, в кабинете стояла тишина, нарушаемая лишь редким стуком палочек о тарелки. Ляо Цюли привык не разговаривать за едой и не видел в этом ничего плохого. Сяо Юй же чувствовал себя не в своей тарелке, ему было обидно: даже за обедом ему не позволяют проявлять заботу — что, презирает его?! Ну ладно, тогда можно использовать общие палочки?

Генерал Сяо действительно раздобыл пару общих палочек и продолжил подкладывать еду тому, кто сидел напротив. Тот, как раз в процессе еды, поспешно проглотил кусок и снова остановил его:

— Я столько не съем, лучше я сам. Ешь свою еду и не пей много вина...

— Я сыт, не хочу есть. — Генерал Сяо твёрдо решил, что его возлюбленный презирает его. Обидно. В душе кипела ярость, и аппетит пропал. С таким трудом удалось заманить человека на ярмарку и обед, сейчас не время для ссоры. Надо терпеть, быть понастойчивее, напоить того парой бокалов. У того слабая голова, слегка захмелеет — может, и расслабится...

— Давай выпьем. Это вино редкое, в обычное время не достанешь, попробуй. — Генерал Сяо взял маленькую винную чашечку, налил и, держа в руке, поднёс к губам того, уговаривая выпить.

Ляо Цюли, когда заканчивал работу художника, из-за того, что часто приходилось запрокидывать голову, боясь застоя крови, иногда позволял себе немного выпить. Не какое-то дорогое вино, а просто домашнее рисовое, на вкус слегка сладковатое. Выпивал маленький кувшинчик, закусывая блюдцем жареного арахиса и несколькими кусочками только что приготовленного горячего сушёного тофу. После этого по всему телу разливалось приятное тепло, и спалось особенно хорошо, поэтому, когда вспоминал, мог и сам сделать пару глотков. Вино, которое Сяо Юй подносил к его губам, пахло очень ароматно, и ему захотелось попробовать, но такой способ питья казался ему неподобающим.

— Поставь, я сам выпью.

Генерал Сяо не убирал руку:

— Если хочешь пить, пей так. Раз уж решили «попробовать»... Даже «муж и жена» на свадьбе пьют вино, обвившись руками, так что выпить из рук — что в этом такого?!

Он вечно цеплялся к этому слову «попробовать», и Ляо Цюли действительно не находил, что ему возразить. Скажешь, что так пить неудобно, — он ответит: «Что тут неудобного? Тебе даже чашку держать не нужно, какое ещё может быть неудобство?» Скажешь, что «пробовать» можно и на других вещах, — он ответит: «Не нужно другого, вот это и есть. Разве обычные люди не живут такими мелочами, как еда и одежда? Почему же это не подходит?»

— Поставь, я выпью ещё пару чашек.

Между «выпить ещё пару чашек» и «выпить из рук одну» генерал Сяо выбрал первое. Конечная цель — заставить того выпить побольше, раз получилось, неважно, каким способом. Он тут же убрал руку, поставил чашку перед ним, поставил перед ним и графин с вином, жестом приглашая распорядиться самому. Наливай себе сам, пей, не стесняйся.

Ляо Цюли думал, что это фруктовое вино, от которого не пьянеют, но не ожидал, что после двух чашек голова начнёт кружиться. Он пробормотал себе под нос:

— Это же виноградное вино, почему такое крепкое?

— Не совсем из чистого винограда, добавили семена одной травы, что растёт за заставой Хулао. Если не можешь пить, не пей, нам ещё на рынок картин идти.

Генерал Сяо знал стратегию и меру. Его цель была — дать тому выпить пару глотков, чтобы слегка закружилась голова, и можно было бы незаметно «снять сливки». Перебарщивать не стоит, если тот совсем опьянеет — это будет убыточная сделка, верно? Опьянеет, поедет домой, «до завтра» или даже «увидимся через несколько дней» — разве это не убыток?

Услышав это, Ляо Цюли поставил чашку и принялся за еду и рис, стараясь не оставлять лишнего. Порции в Вэньмэйчжай и правда были небольшие, но блюд он заказал много, и к концу еда буквально впихивалась в него. Когда впихивать стало уже невозможно, он сказал тому, кто всё это заказал:

— Я больше не могу. Позови кого-нибудь, пусть упакуют в листья, забирай домой и доедай. Расточительствовать нельзя!

— Хорошо. Но ты должен смотреть, как я это ем, иначе откуда ты узнаешь, выбросил я это потом или съел? — Генерал Сяо усмехнулся, его красивые глаза слегка мерцали таинственным блеском. Он надеялся снова заманить человека в свой дом, задержать там ненадолго, создать «удобный момент» и действовать по обстоятельствам.

Ляо Цюли ничего не ответил, лишь дёрнул за шнурок колокольчика, чтобы слуга приготовил упаковку из листьев. Насытившись едой и питьём, хозяин почтительно поднёс две чашки весеннего чая, жаренного с жасмином. Выпив чашку чая, это душашее чувство сытости наконец немного ослабло. Немного отдохнув, они вышли из Тяньцзюйхэ и направились на рынок картин. Сяо Юй в левой руке нёс два свёртка с едой, а правой держал Ляо Цюли, не

обращая внимания на бормотание и тыканье пальцами окружающих, и так они и шли, напоказ всей улице. Ляо Цюли не обладал такой толстокожестью и таким пренебрежением к условностям. Он пытался высвободить свою руку, тряся ею изо всех сил, но из-за вина голова была тяжёлой, а ноги ватными, идти было не очень устойчиво, высвободиться не получалось. Пришлось униженно торговаться с тем человеком:

— Отпусти, пожалуйста, ладно? Я сам дойду.

— Нельзя! Ты идёшь, спотыкаясь на ровном месте, если отпустить — тут же растянешься на земле, как будет некрасиво!

— ... — Голова действительно немного кружилась, но не настолько же, чтобы падать на улице! И разве идти, держась за руку, не ещё некрасивее?!

— Не дёргайся! Будешь дёргаться — понесу на плече!

Что некрасивее — идти, держась за руку, или быть пронесённым на плече, — соображай сам!

— ... — Опять! Вечно угрожает, нельзя нормально поговорить?!

Головокружение Ляо Цюля было весьма странным. Оно не было похоже на опьянение, не было похоже и на головокружение при простуде. Это было такое головокружение, когда каждое усилие делало его ещё сильнее. Он не мог не заподозрить, не подмешал ли тот человек в вино чего-то непотребного, от чего в голове туман и неприятно. Но, подумав, решил, что вряд ли. Тот, хоть и наглый и своевольный, но на подлые поступки не способен. Значит, просто не привык к этому вину с добавлением травяных семян.

К счастью, рынок картин находился не очень далеко от Тяньцзюйхэ, нужно было свернуть три раза на перекрёстках и пройти ещё несколько десятков шагов.

Обычные художники-ремесленники в таких местах бывать не любили, говорили, что дух ремесленничества слишком силён. Крупные художественные лавки тоже не любили принимать художников-ремесленников, говорили, что те вульгарны. Ляо Цюля же не заботил этот «дух ремесленничества». Он считал, что настенная роспись — это тоже живопись, ей тоже нужно обновляться, меняться, усваивать в себя лучшее из разных школ, сливаться воедино. Только много смотреть на работы разных мастеров можно что-то понять и почерпнуть, поэтому он часто сюда приходил. Хозяева нескольких крупных художественных лавок были с ним знакомы, знали, что он приходит не просто посмотреть, а если что понравится — готов выложить деньги, поэтому, завидев его, встречали с приветливыми лицами, приглашали в большую гостевую комнату в задней части и выносили лучшие из недавно приобретённых или принятых на комиссию картин, чтобы он мог рассмотреть и выбрать.

Сегодня же из-за головокружения не было настроения ходить по всем лавкам, поэтому он направился напрямик в самую крупную. Хозяин с улыбкой вышел его встретить и, увидев, что он пришёл не один, как обычно, слегка удивился. Увидев рядом высокого статного красавца, который вёл его за руку и ни за что не хотел отпускать, всё понял. Для дельца самое важное — язык быстрый, а рот на замке. О чём не стоит спрашивать — не спрашивай, чего не стоит выяснять — не выясняй. Судя по всему, нельзя, как обычно, выбирать картины в главном зале, нужно выделить отдельную комнату, чтобы они могли выбирать вдвоём. Он проводил их

наверх, в зал каллиграфии и живописи, по старой привычке вынес лучшие работы, чтобы тот не спеша рассмотрел, закрыл за собой дверь — и пусть гости чувствуют себя как дома.

<http://bllate.org/book/15507/1377462>